

„Тезис Клемансо“

Еще о революционном оборончестве.*)

Пока существует теперешний коммарксистский режим в России (есть основания верить, что он своевременно будет преодолен в порядке превентивной самореорганизации) мы в вопросах оборончества стоим перед, так сказать, тремя неизбежностями: первая — неизбежность войны, — происходящая фашизация мира лишь крайне обостряет ее; вторая — неизбежность внутреннего переворота в России в случае войны, и третья — условная, — неизбежность поражения России, если современный ее режим не будет преодолен, хотя бы — в крайнем, худшем случае — во время уже разразившейся войны.

Будь в России нормальный режим, нам бы не только никакая война не была бы страшна — особенно при теперешней международной ситуации, но она даже не могла бы возникнуть, ибо весь расчет наших внешних врагов — вполне резонный — именно на наше внутреннее положение, — эту ахилесову пяту современной России. А если этот расчет правилен, т. е. если действительно при теперешнем режиме поражение России неизбежно, ибо не может правительство вести **большую** внешнюю войну, ведя в то же время внутреннюю гражданскую войну с собственным народом; и, с другой стороны, если верна вторая «неизбежность» — внутренний переворот в случае войны, то нам, истинным патриотам русским, ничего не остается, как исходить из этой последней неизбежности, чтоб предотвратить при ее помощи **предыдущую**.

Конечно, переворот во время войны содержит в себе риск дезорганизации страны и утраты ею надлежащего военно-политического упора. Но только риск. История знает не мало примеров победоносных войн, несмотря на то, что восставшие государства пережили при этом те или иные революционные потрясения. Укажем лишь на некоторые из них.

После нашей Февральской революции Россия еще несколько месяцев оставалась в строю, и если бы не работа внутренних врагов

*) См. ст. «Революц. оборончество», № 7, «Т. Р.».

(особенно поражение большевиков и октябрьский переворот) и надлежащее концентрированное правительство, она смогла бы довести эту революционную войну до конца, — ведь анархия и дезорганизация шли не столько снизу, от народа, сколько сверху, от правящих слоев, в частности, от скрытых и открытых предателей и заведомых немецких агентов, орудовавших вокруг руля нашей государственности. О той же возможности победоносной войны, обусловленной устранением негодного правительства, свидетельствует сам «Отец победы», великий государственный деятель Франции, Клемансо, который не только допускал, но считал необходимым убрать в ходе войны негодное правительство, чтоб страна могла воевать лучше. Но самым, быть может, разительным примером той же возможности является замечательный подвиг Кемаль-паши, который даже не в ходе войны, а в ее уже трагическом исходе, — в начавшейся уже агонии и распаде страны, поднял ее на ноги вновь и спас от позора и гибели.

Таким образом, переворот во время войны заключает в себе только риск: его цель далеко не безнадежна. Сохранение же преступно-негодной власти, не только парализующей страну, превращающей народ во врага в его собственном доме, но и изолирующей ее от всего мира, от лучших ее друзей и союзников, — такое сохранение влечет поражение неизбежное. Как говорил знаменитый Макиавели: «Невозможно сохранить государство, имеющее одновременно внутренних и внешних врагов». Что касается последнего момента — изоляции России при телерешном режиме, то, не говоря уж о его общей природе, достаточно указать на работу Французской компартии, которая точно намеренно делала и делает все, чтоб не только оторвать, но даже восстановить против России народ, у которого с Россией, как таковой, так много общего. — Видите-ли, пекари из «Юманите» хотели обойти и втравить в войну Французскую дипломатию с ее вековой школой. В результате если бы злейший враг поработал над подрывом стихийно-народной и официальной дружбы Франции к Русскому народу, он бы не мог это лучше сделать, чем делают те, кого во Франции считают платными агентами сегодняшней России.

Помимо же всего прочего, наш отказ от переворота во время войны не отменяет его стихийной неизбежности. Предусмотрительная же готовность к нему позволит не только канализировать, осмыслить и организовать взорвавшуюся народную стихию, но и вдунуть в нее дух патриотического пафоса и государственного смысла. В противном случае эта взорвавшаяся стихия гнева народного разольется в море анархии, а мы не только своим «неприятием» не остановим неизбежного хода событий, но объективно окажемся против собственного восставшего народа и вместе с его и нашим собственным врагом.

В данной ситуации эта злосчастная альтернатива: примиренческое

оборончество или предательское пораженчество точно придумана самими врагами России и Русского народа; ею они как бы хотят его убедить, что ему ничего не остается, как становиться на сторону или своего внешнего или своего внутреннего врага, т. е. убедить в безвыходности его положения и фактической невозможности быть активным. В лучшем случае он в этом положении должен оставаться пассивным, безучастным зрителем того, как его враги будут без него и против него решать его судьбу; в худшем — он должен стать на сторону одного из своих врагов, т. е. занять противоестественную позицию вражды к самому себе.

В действительности вне и выше этой гибельной и насквозь порочной альтернативы — необходимости выбора между внешним и внутренним врагом своего отечества и своего народа, есть третье и единственно достойное и разумное решение — не соглашательское оборончество и не предательское пораженчество, а национально-народное революционное оборончество, которое и неизбежно в порядке исторического факта и единственно целесообразно в порядке политической нормы.

П. Б.